

C.B. Белоусов
S.V. Belousov

**НИЖНЕЛОМОВСКИЙ УЕЗД ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ЭПОХУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА:
ЗНАЧЕНИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ**

**NIZHNELOMOVSKY COUNTY OF THE PENZA PROVINCE
IN THE PATRIOTIC WAR OF 1812: IMPORTANCE
OF LOCAL HISTORY IN RESEARCH PRACTICE**

В статье на примере Нижнеломовского уезда Пензенской губернии изучается влияние Отечественной войны 1812 г. на российскую провинцию. Характеризуется деятельность местных органов власти при проведении рекрутских наборов и формировании ополчения, рассматриваются различные виды добровольных пожертвований в пользу российской армии, ополчения и беженцев.

The article examines the influence of the Patriotic War of 1812 on the Russian province on the example of the Nizhnelomovsky county of the Penza province. The activities of local authorities in conducting recruitment and the formation of the militia are characterized in the research. Besides, various types of voluntary donations to the Russian army, militia and refugees are considered in the article.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., российская провинция, Пензенская губерния, Нижнеломовский уезд, рекрутские наборы, ополчение, добровольные пожертвования.

Key words: Patriotic War of 1812, Russian province, Penza province, Nizhnelomovsky county, recruitment, militia, voluntary donations.

В историографии Отечественной войны 1812 года длительное время господствовали определенные методологические подходы, темы и традиции, связанные с марксистским пониманием исторического процесса. В основу исследований, как правило, ставились традиционные схемы, основанные на характеристике и интерпретации лишь строго определенного круга источников, отличавшихся, с точки зрения историков, особой достоверностью и непогрешимостью.

Однако дальнейшие перспективы изучения темы потребовали от исследователей отказа от этих традиционных схем, привлечения новых методологических подходов и значительного расширения источниковой базы. Поиск новых подходов, методов и проблем привел к смещению исследовательских приоритетов, в том числе и в сторону изучения истории повседневности, исторической антропологии и локальной истории.

Локальная история – направление современных исторических исследований, в котором исследовательский акцент направлен на анализ изменений (населения, хозяйства, культуры, природных условий), происходящих на определенной территории и позволяющих раскрыть генезис определенных событий и явлений. В рамках этого подхода весьма перспективным представляется изучение влияния Отечественной войны 1812 года на различные социально-политические и экономические процессы, происходившие в разных губерниях Российской империи, в том числе и тех, которые далеко отстояли от театра военных действий. Поэтому обращение к истории одного из уездов Пензенской губернии кажется нам весьма оправданным¹.

Нижнеломовский уезд являлся одним из десяти уездов Пензенской губернии после ее восстановления в 1801 г. Географически он располагался в центральной части губернии. Уездным центром был г. Нижний Ломов, основанный как острог на Белгородской засечной черте еще в 1636 г. В начале XIX в. в составе уезда находился также заштатный город Верхний Ломов. В 1812 г. нижнеломовским земским исправником являлся титулярный советник Борис Михайлович Чегодаев, городничим Нижнего Ломова – Александр Сидорович Фустов, судьей уездного суда – коллежский асессор Александр Николаевич Аршеневский, уездным предводителем дворянства – отставной полковник Ксенофонт Иванович Селунский².

К началу 1812 г. численность населения Пензенской губернии (без учета дворянского сословия и духовенства) составляла 695 798 человек обоего пола (344 117 мужчин и 351 681 женщина). Кроме того, известно, что в это время в губернии проживали 2 361 священно- и церковнослужитель, состоящих в штате, и 1060 – заштатных, 1026 ямщиков и 193 отставных солдат. Численность дворянского сословия точно определить не удалось. Большую часть населения составляли помещичьи крестьяне (помещичьи крепостные крестьяне и дворовые люди, однодворческие крестьяне и мурзинские дворовые люди), доля которых превышала половину всех жителей Пензенской губернии (401 641 человек обоего пола, или 57,7%).

Особенности размещения различных категорий крестьянства в поуездном разрезе связаны с историей заселения и освоения Поволжья в XVII–XVIII вв. Освоение территории будущей Пензенской губернии началось с сооружения укреплённых пунктов и засечных черт для защиты юго-восточных окраин государства от набегов кочевников. Первыми в северо-западной части губернии возникли Краснослободск, Троицк и Наровчат. Жителями вновь основанных крепостей стали в основном служилые люди «по прибору», которые были обязаны нести службу по обороне границ, за что освобождались от различных государственных повинностей и получали денежное довольствие и земельные «дачи». Наряду со служилыми людьми здесь были поселены и дворцовые крестьяне. Не случайно, что даже в начале XIX в. Краснослободский и Наровчатский уезды продолжали оставаться центрами сосредоточения удельных крестьян Пензенской губернии. В 30–40-е и 60–80-е годы XVII в. на территории губернии были построены новые оборонительные сооружения и возник целый ряд новых городов-крепостей, таких как Керенск, Нижний и Верхний Ломовы, Инсар, Саранск, Пенза, Мокшан. Потомки служилых людей, переведённые при Петре I в разряд крестьян-однодворцев и положенные в подушный оклад, в начале XIX в. составляли значительную часть Нижнеломовского, Наровчатского, Керенского и Пензенского уездов. Если в XVII в. колонизация территории Пензенской губернии носила в основном правительственный характер, то с начала XVIII в., когда границы государства отодвинулись далеко на юг, большой размах приобрела помещичья колонизация. Так как к этому времени западная и северная части губернии уже были достаточно заселены и освоены, то объектом колонизации для дворян в основном становились земли, лежавшие на юге и юго-востоке губернии. Поэтому далеко не случайно, что доля помещичьих крестьян увеличивалась по направлению с северо-запада на юго-восток³.

Не случайно, что в Нижнеломовском уезде, наряду с помещичьими крестьянами, которые составляли более 50%, значительной была численность крестьян-однодворцев. Их доля в населении уезда насчитывала 44%. Среди дворян преобладали мелкопоместные дворяне. Уезд, по сути, можно назвать настоящим «дворянским гнездом». Численность городских сословий (купцов, мещан и цеховых) в Пензенской губернии была сравнительно невелика и в начале 1812 г. составляла 10 181 человек обоего пола (или 1,5% всего податного населения). Во многих уездных и заштатных городах губернии преобладала та или иная категория крестьянского населения. Так, большинство жителей Нижнего и Верхнего

Ломова были однодворцы. Лишь в губернском центре, наряду с пахотными солдатами, была значительной прослойка мещан и цеховых.

Основным занятием населения Пензенской губернии являлось сельское хозяйство. Завершение колонизации ее территории, повышение рыночного спроса на хлеб привело к развитию в регионе хлебопашества и росту посевных площадей. В «Экономическом описании городов и сел Пензенской губернии», составленном в 1806 г., отмечено, что из 1 351 660 дес. земли под пашней находилось 587 298. Почвы в губернии представляли собой разнообразную картину: от черноземов до «иловитых и песчаных почв» и суглинков. Вот, например, как было организовано сельскохозяйственное производство в Нижнеломовском уезде: «пашенная земля малая чист чернозем и большая пещаная, которую удобряют назмом; пашут сохами на лошадях и арют под озимой по два, а под еровой по одному разу, боронят как под озимой, так и еровой по одному разу; хлеб на оной земле высевается рожь, овес, полба, пшеница, горох, просо, греча, семя конопляное и аленное; лучшей урожай в обыкновенные года бывает четырем родам ржи, овсу, гречи и гороху, а прочей посредственной. Садов не имеют, в огородах сдят капусту, огурцы, морковь, свеклу, редьку, лук и сеют коноплю. Скотоводство имеют лошадей, коров, овец, коз и свиней посредственное, из которого лучше удаются коровы и свиньи русского рода. Пчел в некоторых селениях имеют, но в малом количестве». Наряду с земледелием и скотоводством крестьянское население Нижнеломовского уезда занималось различного рода промыслами и неземледельческими занятиями: «Крестьяне ж сверх земледелия и скотоводства занимаются больше подрядами под извоз разного хлеба и протчего»⁴.

Промышленное производство в Нижнеломовском уезде было развито крайне слабо. К 1812 г. на его территории в дворянских имениях насчитывалось всего две суконные фабрики. Большее распространение получило винокуренное производство, т.е. переработка зерна в «хлебное вино». Это весьма доходное занятие в начале XIX в. являлось исключительно дворянской монополией.

Пензенская губерния занимала важное место в системе путей сообщения Российской империи. Через ее территорию проходили два важных сухопутных тракта. По Московскому тракту из Нижнего Новгорода через Арзамас, Саранск, Пензу, Петровск можно было попасть в Саратов и далее в Астрахань, по Тамбовскому – через Чембар, Пензу, Городище до Симбирска и далее следовать по направлению на Оренбург. Однако Нижнеломовский уезд находился несколько в стороне от этих дорог. На Тамбовском тракте находился лишь один населенный пункт уезда – с. Каменка. Дорога же из Пензы через Нижний Ломов была

регионального значения и вела в район Наровчата и далее на Краснослободск, в район Спасска Тамбовской губернии с выходом на Шацк и Рязань и в сторону Керенска с выходом в район Моршанска. Транспортными артериями, по которым в основном перевозился хлеб, были и реки Атмис и Мокша, протекавшие по территории уезда.

Увеличение сельскохозяйственного производства, складывание перерабатывающей и иных отраслей промышленности, а также дорожной инфраструктуры приводило к увеличению транзитной торговли и развитию торговых отношений внутри региона. В начале XIX в. основной формой торговли оставались ярмарки. Одной из трех самых крупных из них в Пензенской губернии была Нижнеломовская Казанская ярмарка, проводимая с 1 по 15 июля. Кроме того, необходимая для населения продукция реализовывалась в специальные базарные дни, которые учреждались не только в каждом уездном городе, но и крупных селах. В «Экономическом описании городов и сел Пензенской губернии» 1806 г. говорится, что крестьяне «избытки свои» продают на базарах «в Нижнеломовской и Чембарской округах и Тамбовской губернии в городе Спасске»⁵.

Еще до начала Отечественной войны (8 апреля 1812 г.) в Пензенской губернии был получен высочайший указ от 23 марта о проведении рекрутского набора (82-го по общей нумерации). Им предписывалось собрать по два рекрута с 500 душ от мещан, цеховых, ямщиков, приписных к конной гвардии, государственных, удельных и помещичьих крестьян, положенных в подушный оклад по 6-й ревизии. Рекрутский набор предлагалось провести в мае в течение одного месяца. По высочайшему указу от 13 мая 1812 г. (получен в Пензе 28 мая) рекрутов 82-го набора предполагалось направить в 12 новых полков, вновь формируемых в разных городах страны: восемь пехотных (по два в Костроме, Владимире, Рязани и Тамбове) и четыре егерских (по два в Ярославле и Воронеже). По распоряжению Военного министерства рекруты из Пензенской губернии поступали на формирование пехотных полков в Тамбов (877 человек) и егерских полков в Воронеж (500 человек)⁶. Согласно указу, на дворянство Пензенской губернии возлагалось обмундирование и снабжение амуницией одного из пехотных полков, формируемых в г. Тамбове, а на «градские общества» – снабжение этого полка обозом. Дворянство собрало для этой цели 221 865 руб. 83 коп., а «градские общества» – 35 306 руб.⁷

На основании высочайшего рескрипта от 25 мая 1812 г., полученного в Пензе 8 июня, для нужд регулярной армии, находившейся у западных границ России, с Пензенской губернии было определено собрать 2500 волов, «из коего чис-

ла 500 назначаются для подъема тягостей, а 2 000 для продовольствия войск. На каждую пару волов из числа первых 500 должны быть по одной повозке крепкой и надежной с упряжью и со всеми принадлежностями к дороге»⁸. Пензенскому губернатору князю Г.С. Голицыну предписывалось, чтобы, собрав положенное число волов, он «без малейшего промедления» отправлял их гуртами в местечко Свенцяны Виленской губернии. Повинность по поставке волов для армии исполняло исключительно дворянство по числу имевшихся у них крепостных. Из Пензенской губернии было отправлено 2 602 вола и устроено 250 фур, стоимость которых составила 404 242 руб.⁹ В сборе средств на пехотный полк, вновь формирующийся в Тамбове, и поставку волов для регулярной армии самое активное участие наравне со всеми приняло и население г. Нижнего Ломова и Нижнеломовского уезда.

Пензенская губерния располагалась на значительном удалении от Москвы и С.-Петербурга. Поэтому новости доходили сюда с большим опозданием. О том, что 12 июня 1812 г. армия Наполеона перешла Неман, в Пензе стало известно лишь 1 июля. С первых же дней военные действия приковали к себе всеобщее внимание жителей губернии. С нетерпением ожидали любые сообщения из действующей армии. Ф.Ф. Вигель, находившейся в 1812 г. в Пензе, отмечал, что новости из центральных газет вызывали громадный интерес. С болью в сердце воспринимали известия о первых неудачных столкновениях с наполеоновской армией. По мере отступления русских войск все больше нарастали тревога и беспокойство. «Появление врага, – писал Ф.Ф. Вигель, – особ разного пола и возраста в один миг заставило забыть и горе и веселье»¹⁰.

Отечественная война 1812 года наложила свой отпечаток на отношения между иностранцами и местными жителями. Она породила среди населения провинции галлофобию, которая усиливалась по мере продвижения армии Наполеона в глубь России. Ненависть к французам распространялась и вообще на всех иностранцев, проживавших в стране. Их обвиняли в симпатиях и пристрастиях к Наполеону, в них видели шпионов. Уже 22 июля в Пензе было получено циркулярное предписание главнокомандующего в С.-Петербурге С.К. Вязмитинова от 5 июля 1812 г. о разборе иностранцев. В нем, в частности, предписывалось незамедлительно провести перепись всех иностранцев, находившихся в пределах губернии, и списки о них по приложенной к циркуляру форме прислать в Министерство полиции¹¹. Разбор иностранцев был учинен и в Нижнеломовском уезде, где, как оказалось, постоянно проживали шесть человек. Это французский офицер Иван Бонье, служивший лейтенантом в 88-м линейном полку и за-

хваченный в плен в сражении при Пултуске в 1807 г., уроженец г. Гамбурга Иоанн Эккерман, саксонец Карл Симон, проживавший в имении генерал-майора и кавалера Я.Д. Мерлина и работавший на его суконной фабрике в с. Голицыно, а также евреи Вульф Гурсович, Мовша Елесеич и Иосиф Полоновский, трудившиеся на винокуренном заводе С.А. Охлебинина в с. Дмитриевском. Последние проживали вместе со своими семьями. Пензенский губернатор князь Г.С. Голицын доносил в С.-Петербург, что все иностранцы, проживающие в губернии, доброго поведения, и за ними установлен бдительный надзор со стороны городских полиций и земских исправников¹².

17 июля «в 8 часов пополудни», находясь в Чембаре, пензенский губернатор князь Г.С. Голицын получил с курьером высочайший манифест от 6 июля 1812 г. о сборе ополчения, в котором, как писал Ф.Ф. Вигель, «государь, величая дворян Пожарскими, купцов Миниными и духовенство Палицыными, всех призывает к оружию»¹³. Вскоре в Пензе был получен и манифест Александра I от 18 июля, посвященный организации округов ополчения. Пензенская губерния, наряду с Казанской, Костромской, Нижегородской, Симбирской и Вятской, вошла в состав III округа. Эти губернии должны были приготовить, расчислить и назначить людей, но до особого повеления их не собирать и не отрывать от сельскохозяйственных работ. Таким образом, III округ первоначально рассматривался в качестве резервного. Главная роль в организации ополчения отводилась дворянству.

31 июля в Пензе состоялось дворянское собрание Пензенской губернии, на котором обсуждались нормы набора ратников и правила их приема, устанавливались соответствующие денежные расходы, были избраны начальник губернского ополчения, полковые и сотенные начальники. Дворянское собрание первоначально определило из числа 232 056 владельческих крестьян собрать в военное ополчение 6 800 ратников, полагая по три воина со 100 крестьянских душ, а на содержание ополчения, жалованье и прочие надобности собрать 232 056 руб. Начальником Пензенского ополчения было предложено избрать генерал-майора Н.Ф. Кишенского¹⁴. Своими рескриптами от 28 сентября 1812 г. Александр I утвердил командирами пехотных полков Пензенского ополчения полковников К.И. Селунского и И.Д. Дмитриева, подполковников Кушнерева и Вайникова, а конного полка – полковника Л.А. Безобразова. На состоявшемся 5 сентября собрании пензенское дворянство постановило дополнительно поставить в ополчение четвертого воина со 100 душ, а всего 9 282 ратника, а также 660 лошадей для конного полка Пензенского ополчения и 44 лошади для артиллерийской команды. Для нужд ополчения предполагалось собрать 382 902 руб.

30 коп.¹⁵ Кроме того, на основании рескрипта Александра I от 21 октября 1812 г. о формировании в III округе так называемого резервного ополчения в губерниях предписывалось «к собранным прежде сего со 100 душ 4 воинов, в добавок к оным собрать с помянутого числа только по два»¹⁶. Пензенская губерния должна была выставить дополнительно еще 4641 ратника.

Для сбора средств на формирование ополчения был создан Комитет пожертвований, который начал свою работу 2 сентября. В Пензенской губернии Комитет пожертвований возглавил отставной бригадир Н.С. Кашкаров. Комитет начал свою работу 2 сентября. Сумма только добровольных пожертвований от населения Пензенской губернии, не считая обязательных сборов с помещиков, составила 41 323 руб. 32 коп.¹⁷ Денежные средства поступали в Комитет от представителей всех сословий. Внесли свою посильную лепту и жители Нижнеломовского уезда. Уже 6 сентября от них поступили в Комитет 61 руб. 75 коп. Титулярный советник Евдокимов внес на ополчение 10 руб., губернский секретарь Богданов, канцелярист Протопопов и нижнеломовский мещанин Душутин – по 1 руб., купеческий сын Поляков – 50 коп. серебром, мещанин Игольников – 25 коп. серебром. Священно- и церковнослужители благочиния нижнеломовского священника Льва Никитина пожертвовали на защиту Отечества 128 руб. 75 коп., благочиния священника с. Мичкас Нижнеломовского уезда Ивана Сергеева – 100 руб., благочиния священника с. Новая Нявка Нижнеломовского уезда – 75 руб. ассигнациями и 1 руб. серебром. Нижнеломовское купечество внесло в Комитет пожертвований для ополчения 73 руб. 30 коп.¹⁸

Сбор ратников в ополчение в Пензенской губернии начался 15 сентября. Приемные пункты располагались во всех уездных городах. После приема ратники поступали уже на полковые сборные пункты, которые располагались в Саранске (1-го пехотного полка), Мокшане (2-го пехотного полка), Инсаре (3-го пехотного полка), Краснослободске (4-го пехотного полка) и Пензе (конного полка). Позднее 4-й пехотный полк был переведен в Наровчат. Ополченцы из Нижнеломовского уезда зачислялись в 1-й (400 человек) и 3-й (300 человек) пехотные полки¹⁹. При зачислении в полк ратники распределялись по квартирам городских обывателей на основе постоянной повинности. Ополченцы проходили несложную военную подготовку. Обучение ратников проводили нижние чины инвалидной команды, а также отставные унтер-офицеры и солдаты под непосредственным руководством офицеров ополчения²⁰. Так, в Саранске для обучения ратников ополчения некоторое время находился отставной солдат Семен Брюхин, проживавший в Пешей Слободе г. Нижнего Ломова²¹.

Одновременно с набором в ополчение в губернии проходил и 83-й рекрутский набор, согласно которому с удельных и казенных крестьян повсеместно предписывалось собрать по два рекрута со 100 душ 6-й ревизии. Рекрутский набор предлагалось начать с 1 сентября и завершить к 1 ноября 1812 г.²² Из-за возросших потребностей пополнения армии он сопровождался резким снижением требований к поставляемым рекрутам. По 83-му набору с Пензенской губернии следовало собрать 3 560 рекрутов. В ходе его проведения первоначально возникли сложности с приемом рекрут. Достаточно сказать, что за первую половину сентября 1812 г. было набрано всего 136 человек. Пензенский губернатор связывал это с тем, что «все почти прежние чиновники земской полиции, быв назначены в ополчение, сменялись и сдавали должности их избранным вновь чиновникам», и надеялся, что «с окончанием ныне перемен сих высылка рекрут происходить будет гораздо поспешнее»²³. Однако и к окончанию набора количество недоимочных рекрутов было весьма велико и составляло 577 человек (или 16,2%)²⁴.

В сентябре – октябре 1812 г. население Пензенской губернии приняло участие в формировании подвижного магазина для действующей армии. В общей сложности предполагалось выставить «лошадей действующих 800, запасных 100, повозок действующих 400, запасных 8... погонщиков 413»²⁵. Для приобретения лошадей и повозок со всех податных сословий следовало собрать 130 800 руб. (по 32 коп. с каждой ревизской души). На каждое сельское и городское общество была положена обязанность выставить определенное количество погонщиков. Кроме того, для отправки к действующей армии в составе подвижного магазина в Пензенской губернии было заготовлено 5 884 пуда сухарей, 450 пудов круп и 8104 четверти овса. Наряду со всеми в формировании подвижного магазина участвовали и жители Нижнеломовского уезда. Начиная с 22 октября магазин, разделенный на два транспорта, должен был отправиться по тракту на Калугу из г. Чембар²⁶.

Основная тяжесть несения натуральных повинностей и уплаты окладных сборов в «эпоху войны 1812 года» легла на различные категории крестьянства и мещанское сословие. Формирование ополчения, снаряжение пехотного полка в Тамбове, поставка рекрутов, выполнение постоянной и подводной повинностей, организация для армии подвижного магазина и приобретение волов и фур – вот лишь неполный перечень тех повинностей, которые должны были нести податные сословия в условиях военного времени. По подсчетам саранского историка И.С. Максимова, повинности крепостных крестьян, связанные с войной, в де-

нежном выражении составили более 20 руб. с ревизской души, государственных и удельных крестьян – от 15 до 20 руб.²⁷ Так, в сентябре 1813 г. однодворцы д. Мокрый Мичкас подали прошение в Пензенское губернское правление, в котором указывали, что их деревня находится «на верстовой большой дороге, лежащей из города Чембара чрез упраздненный город Верхней Ломов до Нижнего Ломова, по которой нет ни единого дня, чтоб обыватели оной деревни не могли ставить подвод по 10-ти с проводниками колодникам, да и сторонним проезжающим по подорожным; а сверх сих наиболее по маршрутам проходят и воинские команды, для коих требуют продовольствия, как людям, так и лошадям; в деревни ж их состоит по нынешней 6-й ревизии однодворцев 180 душ, а дворов около 50-ти, в чем и несут они немалое себе противу протчих селений около их живущих стеснения и отягощение; селения ж те состоят от их деревни в небольшом расстоянии, как то селы Пустынь, Бельнь, Ворона, Веденяпино, Титово и Студенка гораздо их многолюднее, каковые все им никакой помощи и пособия подвод не дают, а отправляют как оные, так и воинские команды ночлегом и протчим одно их селение; в разсуждении чего просят из вышеписанных селений повелеть поставлять хотя по очереди по числу каждого селения и большинству душ и дворов в помощь им подводы и проводников». Губернское правление предписало нижнеломовскому земскому исправнику, если окажется, что просители несут объявленные повинности несоразмерно против прочих селений, то употребить все средства к уравнению их в повинностях²⁸.

С начала сентября в Пензенской губернии стали появляться беженцы. Многие дворяне останавливались в своих имениях, имениях родственников или у хороших знакомых. Однако если положение беженцев из числа дворян было более или менее сносным и оказывалось в прямой зависимости от их материального благополучия, социального статуса, знакомств и т.п., то положение представителей иных сословий иначе как бедственным не назовешь. Дворянка М.А. Волкова, бывшая в 1812 г. в Тамбове, отмечала, что казенные крестьяне покидали свои жилища только тогда, когда французы отнимали у них все имущество и сжигали дома. «Право, смотря на этих несчастных, – писала она, – забываешь все свои горести и потери и благодаришь Бога, давшего нам возможность жить в довольстве посреди всех этих бедствий... между тем как столько бедных людей лишены насущного хлеба»²⁹. Правительство пыталось урегулировать ситуацию с беженцами и как-то помочь им. Так, 1 сентября 1812 г. последовало циркулярное предписание главнокомандующего в С.-Петербурге С.К. Вязмитинова о людях, выходящих из мест, занятых неприятелем. Согласно этому циркуляру, во

всех губерниях, где находились беженцы, для «попечения об них» учреждались комиссии под надзором губернаторов, вице-губернаторов, губернских предводителей дворянства и губернских прокуроров. Комиссии должны были разместить беженцев по городам и селениям и составить списки тех лиц, которые нуждались в пособиях от правительства. Епархиальным архиереям предписывалось, чтобы монастыри «приняли в свое призрение, лишенных пристанища жителей, особенно престарелых, немощных и малолетних». Средства комиссий состояли из 10-тысячных кредитов, открытых казенными палатами в каждой губернии, и добровольных пожертвований, собираемых через особые кружки, установленные при церквях³⁰. Кружечный сбор «в пользу потерпевших от неприятеля разорение» представлял собой денежные пожертвования, которые добровольно вносили представители народных масс, главным образом крестьянского и мещанского сословий, в пользу беженцев. Такие кружки были установлены во всех церквях Нижнеломовского уезда. Так, например, в феврале 1814 г. протоиерей Нижнеломовского духовного правления Григорий Симилейский доносил в Пензенскую духовную консисторию, что в результате кружечного сбора в пользу «потерпевших от неприятеля разорение» на начало 1814 г. по благочинию Мичкаскому собрано 8 руб. 32 $\frac{3}{4}$ коп., а именно в с. Мичкас 1 руб. 65 коп., в с. Скворешном 12 коп., в с. Кевда-Мельситово 2 руб. 62 коп., в с. Каменке 70 $\frac{1}{2}$ коп., в с. Ростове 70 коп., в с. Блиновке 80 коп., в с. Есеневке 36 коп., в с. Лещиново 1 руб. 36 $\frac{1}{4}$ коп.³¹

Осенью – зимой 1812 г. по дорогам Пензенской губернии в большом количестве конвоировались в глубь страны военнопленные армии Наполеона. Однако в этот период через Нижний Ломов партии пленных не проходили.

Еще 15 сентября для сохранения порядка и спокойствия в губернии князь Г.С. Голицын предложил учредить в каждом уездном городе полицейскую команду, состоящую из 30 конных казаков, «чтобы они употреблялись как по городской, так и земской полициям при каждом случае требования». Каждый казак должен быть «самого лучшего и трезвого поведения, здоровой и расторопной, снабжен крепкою и не старою лошадью, пикою и саблею, провиантом и фуражом в натуре или деньгами по справочным ценам на 6 месяцев и жалованьем по 2 рубли в месяц; а чтобы такой человек мог иметь больше влияния, то одеть его в казацкое платье из зеленого или и другого сукна»³². Для усиления надзора по уездам и для общей безопасности жителей губернатор предписал всем земским судам «строжайше подтвердить в каждом селении и в каждой деревне, чтобы сельские начальники, также сотские и десятские,

выполняя в точности обязанность свою, имели неусыпное и непрерывное смотрение за приезжающими или приходящими в их селение посторонними и неизвестными людьми, особенно теми, которые окажутся в виде бродяг без надлежащих видов; и чтобы таковых, останавливая в селениях, неотменно представляли в город за крепчайшим караулом; а для вернейшего исполнения сего, из десятских и других по очереди обывателей составить дённой и ночной караул, который бы надзором своим охранял все селение, внушив притом всем поселянам, чтобы они наипаче остерегались таких людей, которые, приходя в селение, стараются уловить в коварные свои сети христианское добродушие и доверенность поселян, обыкновенно имеющих добродетель гостеприимства и, пользуясь оным, высматривают, есть ли в селении хороший караул или нет, и не в расплохе ли каком жители»³³.

11 ноября 1812 г. в Нижний Ломов «по полицейским надобностям для сохранения тишины и спокойствия» были направлены четыре оренбургских казака и два калмыка из воинской команды численностью 150 человек, присланной в Пензенскую губернию по приказанию начальника ополчения III округа генерал-лейтенанта графа П.А. Толстого³⁴.

А ситуация в губернии, как, собственно, и по всей стране, действительно оставалось сложной. Подготовка и проведение военных кампаний 1812–1815 гг. потребовали от России увеличения военных расходов, основная тяжесть которых легла на податные сословия, что, естественно, послужило источником роста недовольства народных масс и активизации их борьбы, о чем свидетельствуют многочисленные архивные материалы³⁵.

Особое место среди социальных конфликтов, происходивших в Среднем Поволжье, занимают волнения ратников Пензенского ополчения. Когда в начале декабря 1812 г. ополчение должно было выступить в поход, среди ратников начались волнения: 9 декабря в Инсаре, а 10-го – в Саранске. Губернское руководство и командование Пензенского ополчения предприняли решительные меры для подавления выступлений ратников в Инсаре и Саранске и локализации района волнений, хотя местные власти и не располагали для этого необходимыми воинскими контингентами. Пензенский губернатор князь Г.С. Голицын немедленно информировал о произошедших событиях саратовского, симбирского и тамбовского губернаторов, начальника ополчений III округа графа П.А. Толстого, командующего резервной армией князя Д.И. Лобанова-Ростовского, командиров бригад 3-го корпуса резервной армии генерал-майоров Н.Ю. Урусова и В.Б. Адамовича, а также полковника А.Я. Алексева, который с двумя егерски-

ми полками находился недалеко от мест выступления ратников. Из Моршанска к Нижнему Ломову были направлены несколько эскадронов (400 человек) Борисоглебского драгунского полка под командой полковника Шостака. Князь Г.С. Голицын предписал учредить караулы во всех селениях, прилегающих к Инсару и Саранску, в том числе и в Нижнеломовском уезде, брать под стражу бежавших ратников и препровождать их в Пензу³⁶.

В результате решительных действий волнения ратников были подавлены.

Пензенское ополчение выступило в поход на месяц позже намеченного срока, в первых числах января 1813 г. Оно прибыло на театр военных действий лишь к концу августа 1813 г. и вошло в состав Польской армии под командованием генерала от кавалерии Л.Л. Беннигсена. С 1 по 5 октября и с 17 октября по 20 ноября 1813 г. пехотные полки Пензенского ополчения участвовали в осаде Дрездена, с 10 декабря 1813 по 2 января 1814 г. – в осаде Магдебурга, с 24 января по 25 октября 1814 г. находились под Гамбургом. Конный полк ополчения в составе авангардного отряда Польской армии под командованием генерал-майора К.А. Крейца сражался под Лейпцигом, Магдебургом и Гамбургом³⁷. Командиром 1-го пехотного полка Пензенского ополчения состоял нижнеломовский предводитель дворянства полковник К.И. Селунский, который оставил интересные записки об участии Пензенского ополчения в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Записки были обнаружены в Нижнеломовском уезде А.Е. Гроماشевым среди бумаг, приготовленных для оклейки окон, и переданы в Пензенскую ученую архивную комиссию. В 1903–1906 гг. при содействии пензенского краеведа В.Х. Хохрякова они были опубликованы в Трудах Пензенской ученой архивной комиссии под названием «Записки нашему походу, писанные от скуки на марше, для воспоминания всех наших странствий и некоторых минут с приятностью в горе проведенных»³⁸.

Весной 1815 г. Пензенское ополчение возвращалось домой по тракту через Нижний Ломов. 14 апреля полковник Дмитриев извещал пензенского губернатора князя Г.С. Голицына о том, что «первое отделение ополчения 17-го числа сего месяца имеет вступить в село Шеткелей, где 18-го будет дневать, а 19-го прибудет в город Ламов; за ним следует 2-е и 3-е отделение чрез переход»³⁹.

В 1813 г. важным фактором провинциальной жизни стало размещение на жительство в Пензенской губернии военнопленных армии Наполеона. Это было связано как с временными военными неудачами союзников в Саксонии, так и увеличением концентрации российских войск у западных границ, в том числе и за счет перемещения туда резервных войск под командованием Д.И. Лоба-

нова-Ростовского. С июня 1813 по январь 1814 г. в Пензенскую губернию на жительство прибыло шесть конвоев общей численностью 644 человека. Нижний Ломов, впрочем как и еще два уездных центра Инсар и Наровчат, не были выбраны в качестве мест временного пребывания военнопленных. В ходе репатриации французских военнопленных на родину летом 1814 г. две партии следовали из Пензы на Нижний Ломов – Керенск и далее в Тамбовскую губернию⁴⁰.

С Нижнеломовским уездом связана судьба многих участников Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 гг. Некоторые из них в составе регулярных полков русской армии отличились в различных сражениях с французскими войсками. Так, за храбрость в сражении при Салтановке Знак отличия Военного ордена Св. Георгия получил рядовой Ладожского пехотного полка Никита Дорофеев, определенный после военной отставки в Нижнеломовское казначейство⁴¹.

На данный момент удалось установить, что в Бородинской битве участвовали 40 офицеров и нижних чинов, связанных с Нижнеломовским уездом. Верхнеломовский дворянин, командир Ширванского пехотного полка майор Н.А. Теплов 3-й за храбрость, проявленную в сражении при Бородине, был награжден орденом Св. Анны 2-й степени. Командуя полком в течение всего дня, он находился «в 1-й линии под сильным с неприятельских батарей огнем и при штурме на кургане батареи нашей с отменною храбростию, ободряя своих подчиненных, ударил с полком в штыки на наступающего неприятеля и тем обратил их в бегство, где и получил сильную контузию в ляшку»⁴². В октябре 1813 г. от полученной контузии Н.А. Теплов скончался и был похоронен на Егошихинском кладбище в Перми.

Майор З.В. Слепцов 2-й, за которым в с. Колобовщине числилось 20 душ, в 1812 г. являлся командующим Екатеринбургским пехотным полком. При Бородине он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом за то, что, «находясь в жесточайшем огне, побуждал подчиненных к мужественному поражению неприятеля, а при наступлении на полк неприятельской пехотной колонны с жесточайшим ружейным огнем отражали оную штыками с отличною храбростию совершенно обратили в бегство, чем удержан важный пункт и уничтожено неприятельское покушение». В дальнейшем за отличие при взятии Вязьмы он был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость», за храбрость в «Битве народов» при Лейпциге – орденом Св. Анны 2-й степени. В 1814 г. во Франции сражался под Реймсом и Парижем; за отличие произведен в подполковники и награжден прусским орденом «За заслуги»⁴³.

Золотую шпагу с надписью «За храбрость» за отличие в Шевардинском бою получил командир 3-го батальона 41-го егерского полка майор А.С. Лепунов, владевший вместе с братом небольшим имением в с. Сергиевская Вирга Нижнеломовского уезда. 24 августа в сражении он «прикрывал с баталионом бруствер и под сильными выстрелами примерным мужеством ободрял подкомандных его»⁴⁴. За отличие при Малом Ярославце он второй раз был представлен к золотой шпаге с надписью «За храбрость». В сражении при Красном ранен ружейной пулей в левый бок и за храбрость награжден орденом Св. Анны 2-й степени. В январе 1813 г. произведен в подполковники и вскоре назначен командующим 41-м егерским полком. Находился при блокаде крепости Модлин. Участвовал в «Битве народов» под Лейпцигом. Во Франции сражался при Краоне и Лаоне.

Дворянин Нижнеломовского уезда, где за его отцом в с. Каремша имелось восемь душ, штабс-капитан 19-го егерского полка А.А. Попов 1-й под Бородином «при отражении неприятеля штурмовавшего, из первых бросился со введенною ему ротою в штыки на оною, сим примером ободрил прочих и неприятель был прогнан, также отличил себя неустрашимостию и присутствием духа при нападении неприятельской кавалерии. Штаб-офицеры были все ранены, он, оставаясь старшим в полку с оставшеюся малою частию егерей отступая, соблюдал совершенный порядок и устройство». За отличие в Бородинском сражении он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени⁴⁵. За отличие при Малом Ярославце был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость».

В Бородинском сражении участвовали три брата Айгустовы, дети уездного предводителя дворянства В.Е. Айгустова: Василий – подпоручик 24-й артиллерийской бригады (награжден орденом Св. Анны 3-й степени), Александр – подпоручик 7-й артиллерийской бригады (был награжден тем же орденом) и Николай – подпоручик 2-й запасной артиллерийской бригады (в начале августа 1812 г. назначенный адъютантом к генерал-майору барону К.Ф. Ливенштерну)⁴⁶.

Четверо нижних чинов (однодворец с. Лещиново унтер-офицер Черниговского пехотного полка Григорий Водовсков, однодворец г. Нижнего Ломова бомбардир батарейной роты № 30 Иван Арзынкин, однодворец с. Серый Ключ унтер-офицер Малороссийского гренадерского полка Иван Рубцов, выходец из крестьян помещика Всеволожского с. Сергиевское рядовой Бутырского пехотного полка Гордей Корнилов) за Бородинское сражение получили Знаки отличия Военного ордена Св. Георгия⁴⁷.

Таким образом, хотя на территории Нижнеломовского уезда Пензенской губернии в 1812 г. и не велись боевые действия, реалии военного времени, так или

иначе, проявлялись в повседневной жизни. Проведение рекрутских наборов, формирование ополчения, разбор иностранцев, прием беженцев, сбор средств, в том числе и добровольных пожертвований, напрямую затрагивали население губернии, далеко отстоящей от театра военных действий. Знание тех социально-экономических и политических процессов, которые происходили в российской провинции в эпоху противостояния с Наполеоном, безусловно, должно обогатить наши представления об истории Отечественной войны 1812 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О Пензенской губернии в период Отечественной войны 1812 года см.: *Белоусов С.В.* Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза: ГУМНИЦ, 2012; *Он же.* Пензенская губерния в «эпоху Отечественной войны 1812 года». Саранск: НИИ гуманитар. наук при правительстве Республики Мордовия, 2016.

² Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1812. СПб., 1812. Ч. 2. С. 270–271.

³ О колонизации Пензенского края подр. см.: *Перетяткевич Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII века. Одесса, 1882; *Хвоцев А.* Очерки по истории Пензенского края. Пенза, 1922.

⁴ См.: Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 60. Оп. 1. Д. 299. Л. 30, 32, 47, 67, 86, 94, 107, 123об–124, 130, 140.

⁵ Там же. Л. 123об–124.

⁶ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. 29–32, 35–36об, 41об–42.

⁷ Там же. Л. 29–32, 35–36об, 41об–42; Д. 439. Л. 384–384об; Ф. 132. Оп. 1. Д. 225. Л. 9; Ф. 108. Оп. 1. Д. 145. Л. 4–4об.

⁸ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–45об; *Апухтин В.Р.* Очерк формирования дворянством Пензенской губернии и действий ополчения в Отечественную и Освободительную войны 1812–1814 годов. М., 1912. С. 8–9.

⁹ ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 225. Л. 9об; *Апухтин В.Р.* Указ. соч. С. 9.

¹⁰ *Вигель Ф.Ф.* Записки: В 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 648.

¹¹ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 421. Л. 1–1об.

¹² Там же. Л. 6–6об; *Белоусов С.В.* «Разбор» иностранцев в Пензенской губернии в 1812 году // Вест. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 2 (34). С. 80–91.

¹³ *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. Кн. 2. С. 649.

¹⁴ *Апухтин В.Р.* Указ. соч. С. 10–14.

¹⁵ Там же. С.10.

¹⁶ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов. М., 1962. С. 372.

¹⁷ ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 377. Л. 22об.

¹⁸ Там же. Л. 1, 11–11об, 22; *Белоусов С.В.* Добровольные пожертвования населения Пензенской губернии на ополчение в 1812–1813 гг. // Вестн. воен.-ист. исследований: Сб. науч. тр. Пенза: Изд-во ПГУ, 2017. Вып. 8. С. 153, 168–169, 184.

¹⁹ ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1194. Л. 11–11об.

²⁰ Там же. Л. 18об–19.

²¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 382. Л. 126–127.

²² Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 399. Л. 65; Д. 424. Л. 1.

²³ Там же. Д. 424. Л. 27–27об, 28–28об.

²⁴ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 409. Л. 621–622.

²⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 363. Л. 6.

²⁶ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440. Л. 474, 479об–480.

²⁷ *Максимов И.С.* Повинности населения России в связи с военными кампаниями 1812–1814 гг. // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции: Материалы IV Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск, 1999. С. 92.

²⁸ ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 386. Л. 726–727.

²⁹ Из переписки М.А. Волковой и В.И. Ланской // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. М., 2001. С. 56–57.

³⁰ ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 641. Л. 2–2об; Ф. 5. Оп. 1. Д. 399. Л. 145–145об.

³¹ Там же. Ф. 182. Оп. 1. Д. 641. Л. 132–133.

³² Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440. Л. 249–250; Ф. 210. Оп. 1. Д. 66. Л. 31–32.

³³ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440. Л. 251–251об.

³⁴ Там же. Д. 412. Л. 1–1об, 34–34об.

³⁵ О росте социальной напряженности в Среднем Поволжье в период войны 1812 года см.: *Белоусов С.В.* Деятельность местных властей по обеспечению порядка и безопасности в Пензенской губернии в «эпоху Отечественной войны 1812 года» // Російська імперія у XIX – на початку XX ст. Влада і суспільство: механізми взаємодії: збірник наукових статей / Під ред. О. Стрілюк, О. Приходьон. Чернігів: Видавець Лозовий В.М., 2014. С. 261–275.

³⁶ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411. Л. 7а, об, 14об; *Белоусов С.В.* Волнения ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIV Всерос. науч. конф. Бородино, 4–6 сентября 2006 г. М.: Полиграф Сервис, 2007. С. 111–112.

³⁷ Об участии Пензенского ополчения в заграничных походах русской армии подр. см.: *Белоусов С.В.* Пензенское ополчение в России и в Европе (1812–1814 гг.) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XV Международ. науч. конф. Бородино, 9–11 сентября 2008 г. Можайск, 2009. С. 265–286.

³⁸ *Селунский К.И.* Записки нашему походу, писанные от скуки на марше, для воспоминания всех наших странствий и некоторых минут с приятностью в горе проведенных // Тр. Пенз. учен. архив. комиссии. Пенза, 1903. Вып. 1. С. 83–126; 1904. Вып. 2. С. 89–122; 1906. Вып. 3. С. 77–86.

³⁹ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 529. Л. 1–1об, 5.

⁴⁰ Там же. Ф. 196. Оп. 1. Д. 3084. Л. 5, 20–20об, 40.

⁴¹ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 722. Л. 209об–211.

⁴² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 1058. Л. 6об–7; Бородино: Документы, письма, воспоминания / Сост. Р.Е. Альтшуллер и др. М.: Наука, 1962. С. 269; *Белоусов С.В.* Пензенцы – участники Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии: просопограф. база данных. Пенза: ГУМНИЦ, 2011. С. 209.

⁴³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 282. Л. 3об–5; ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2853. Л. 2–3; *Белоусов С.В.* Пензенцы – участники Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии. С. 196.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153г. Св. 20. Д. 13. Л. 415об–416; Ф. 489. Оп. 1. Д. 1837. Л. 61об–62.

⁴⁵ Там же. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1749. Л. 81об–82; Бородино: Документы, письма, воспоминания. С. 270–271; *Белоусов С.В.* Пензенцы – участники Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии. С. 178.

⁴⁶ *Белоусов С.В.* Пензенцы – участники Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии. С. 49.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 143. Л. 130об–131; Д. 1190. Л. 86об–87; Д. 3803. Л. 350об–351; Д. 193. Л. 57об–58.